

М. В. Бибииков

ВИЗАНТИЙСКИЙ ЭДЕМ:
«ВРЕМЯ-В-ПРОСТРАНСТВЕ»

Основополагающий образ Эдема был дан византийцам уже первыми листами Септуагинты, представлявшей (в соответствии с этимологией от древне-еврейского *edēn* — «наслаждение») Эдемом «райский сад», определяемый одним словом — *παράδεισος* (Быт. 2:8)¹. Собственно, Эдем часто передается в Септуагинте просто словом *τρύφή* — «наслаждение» («и выслал его Господь Бог из сада *Едемско-го* — «καὶ ἐξάπεστειλεν αὐτὸν Κύριος ὁ Θεὸς ἐκ τοῦ παραδείσου τρυφῆς»: Gen. 3:23)². Ветхозаветные описания Эдема отмечают обилие влаги для орошения рая, чему служат четыре «начала», проистекающие из Эдемской реки: *Γεὼν* (Гихон) — Геон, *Φισὼν* — Фисон, Тигр и Евфрат. Неиссякаемое орошение сада-рая позволило произрастать там прекрасным на вид и вкус деревьям, в том числе поставленному в центре Древу жизни, а также древу познания добра и зла (Быт. 2:9). Помимо воды, земли, орошаемые водами рек Эдема, изобилуют минералами и камнями — золотом и самоцветами (упомянуты *ἄνθραξ* — «карбункул», т. е., как правило, красный гранат, и «зеленый камень» прасит — вероятно, изумруд; в русском синодальном переводе они превращены в бдолах и оникс: Быт. 2:12)³. Пребывание в Эдеме предполагает украшение и одежду драгоценностями: «ты был произращен в неге рая (сада) Божьего; всяк камень пригожий украшал тебя — сердолик и топаз, смарагд и карбункул (антракс), сапфир и яшма, и серебро и золото, и лигурий и агат, и аметист и хризолит, и бериллий и

¹ Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, Basel, Rom, Wien, 1998. Bd. 7. S. 1359–1360; Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament / Hrsg. v. G. Friedrich. Stuttgart, 1954. Bd. 5. S. 763–764.

² Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 1962. Vol. I. P. 3.

³ Библия, сиречь книги ветхого и нового завета, по языку славенску. М., 1663.

оникс» (Иез. 28:13). В синодальном переводе русский текст существенно отличается: «Ты находился в Едеме, в саду Божиим; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото» (Иез. 28:13). К этому каталогу самоцветов восходит текст о камнях Ефода — судного наперсника первосвященника (Флорилегий «Вопросоответов» Анастасия Синаита — «Изборник Святослава» 1073 г.)⁴. Рай у Ефрема сопричастен благодати:

Восьмая Песнь о Рае

Но ведь благодатный оный сад
ни с каким ущербом не совместим,
ибо он есть место полноты,
совершенной целости во всем (7.1–4)⁵.

XI песнь о Рае, или о благоуханиях духовных

Ни ознобом веющий хлад,
ни люто попяляющий жар
не ведомы месту сему,
столь благословенно оно! (2.1–4)
Поелику слабые очи твои
не возмогут прямо взирать
на полную славу лучей
небесных великолепий Его, —
Он облачил деревья свои
именами наших дерев,
смоковницам даровал своим
прозвание смоковниц мира сего,
и духовные листы Его
предстали как осязаемая плоть (8.1–10).
Превышая числом рои звезд
на зримом небосклоне сем,
обильные цветы оной страны,
светло торжествуя, являют себя (9.1–4).

Книга пророка Иезекииля располагает райский сад на горе, откуда Бог низвергает человека после грехопадения («и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней и ты со-

⁴ Бибиков М. В. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996, с. 244–245.

⁵ *Des Heiligen Ephraem des Syrers, Hymnen de Paradiso und Contra Julianum* / Ed. E. Beck [Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 174–175]. Louvain, 1957.

грешил; и Я низвергнул тебя, как нечистого с горы Божией, изгнал тебя... От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я повергну тебя на землю» — Иез. 28:14–17). Здесь вместо цветущего дольного сада, насажденного фруктовыми деревьями, смоковницей (ее листьями прикрылись Адам и Ева, познавшие стыд), в кущах которых обитают всевозможные звери и птицы (ср. Ефрем Сирийский, Григорий Нисский), земной рай предстает возвышающейся доле горой из огненных камней, падение с которой есть низвержение «на землю» (ἐπὶ τὴν γῆν ἔρριψα σε). В XI в. Никита Стифат, ученик Симеона Нового Богослова, прямо будет проводить идею дихотомии Рая: одного — Эдемского, другого — умопостигаемого, высшего. «Создав сначала человека двойным, я имею в виду — из видимой и невидимой природы, видимым и невидимым, чувственно воспринимаемым и постигаемым умом, Бог, очевидно, создал точно такой, соответствующий его природам, и образ жизни его — рай, чувственно воспринимаемый и постигаемый умом, видимый и невидимый, посадив посреди него Древо Жизни и Древо Знания, которое называется Познанием добра и зла. Один из них (рай) Он насадил в Эдеме сообразно этому видимому миру, расположенным на востоке, возвышающимся над всей землей для наслаждения Адама (ибо «Эдем» переводится «наслаждение» — τρυφή), окруженным воздухом тонким, благо-растворенным и самым чистым, украшенным вечноцветущими растениями, полным света и неизреченного благоухания. Другой же (рай) Он насадил сообразно умопостигаемому и невидимому (миру), существующим и расположенным внутри человека, так как человек был сотворен, чтобы (быть) великим миром в малом мире, видимом, и помещен Богом на землю»⁶.

Образы «горного» рая и «дольного» Эдема, кажется, примиряются в картине уже упомянутого «древа жизни, двенадцать раз приносящего плоды, дающего на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народа (εἰς θεράπείαν τῶν ἐθνῶν)» в Апокалипсисе (22.2), где древо жизни помещено у известной реки⁷; сама же «река воды жизни» (ποταμός ὕδατος ζωῆς) вытекает из престола Бога и Агнца («и показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» — «ἐκ τοῦ θρόνου τοῦ Θεοῦ καὶ τοῦ ἀρνίου», Откр. 22:1). Сопричастность реки и древа жизни высочайшим престолом («трону») принципиально отделяет их от земли и всего земного: учение о небесной иерархии Псевдо-Дионисия Ареопагита строится на

⁶ *Nicetas Stethatos. Opuscles et lettres* / Éd. J. Darrouzès. Paris, 1961 («Sources Chrétiennes», 81), p. 156–158.

⁷ *Novum Testamentum Graece*, cur. Eb. Nestle, r. el. Er. Nestle et K. Aland. Stuttgart, 1963.

противопоставлении, где превыспренненные Престолы «совершенно изъяты от всякой низкой привязанности земной; они, постоянно возвышаясь над всем дольным, премирно стремятся к горнему... всеми силами неподвижно и твердо прилеплены к Существо истинно Высочайшему, принимая Божественное Его внушение во всяком бесстрастии и невестственности; означает также то, что они [престолы] носят Бога («богоносны» — «τὸ θεοφόρον») и раболепно выполняют Божественные Его повеления» (СН VII.1)⁸.

К Септуагинте восходят и попытки «локализации» земного рая. В Книге Бытия называются реки, вытекающие из первоисточника, и называются страны, куда они текут: «Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила... Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассирию. Четвертая река Ефрат» (2:11–14). В греческом оригинале Фисон течет в земле Евилат, вторая река называется Геон, она кругом обтекает землю Эфиопии; третья река — Тигр (Gen. 2:11–14). Так осуществляются земные, привязки Эдема, который в целом располагается, согласно Книге Бытия — «на востоке» (2:8).

Построения, «локализирующие» земной рай, разнятся от ограничения его территориями Месопотамии, Сирии и Армении до распространения его на все пространство между Нилом и Ефратом: Елифаний, Амвросий и Августин считают одну из эдемских рек Нилом. Аналогичные идентификации видят в Фисоне Фасис, а в Гихоне Аракс; по другим идентификациям Геон и Фисон — это расположенные еще дальше Амударья и Сырдарья. Помимо поисков Эдема в Африке (Эфиопия и Абиссиния), Армении и на Кавказе, Сирии и Палестине, Месопотамии и Вавилоне, византийские прагматики отодвигали местонахождение его за Индией (Косьма Индикоплов), на Цейлоне, в Гималаях. К востоку обращают молитвы христиане, словно обращаясь к утраченной родине (Василий Великий. О Св. Духе)⁹.

Причастность атрибутов Земного рая — места пребывания прародителей небесным Престолам предопределяет разделение потустороннего мира в восточном христианстве на Эдем — местопребывание прародителей — и грядущий небесный рай, предназначенный для душ праведников после свершения Страшного Суда. С последним связаны представления о «семи небесах», на первом из которых находятся ангелы, на втором, выше — архангелы, в высших сферах — Силы, Власти,

⁸ *Denys l'Aréopagite. La hiérarchie céleste* / Éd. R. Roques, G. Heil, M. de Gandillac. Paris, 1958 («Sources Chrétiennes», 58), p. 108.37–45.

⁹ *Basile de Césarée. Sur le Saint-Esprit* / Éd. B. Pruche. Paris, 1968 («Sources Chrétiennes», 17), p. 480.13–15.

Господства, далее — Серафимы и Херувимы; Эдем расположен как раз на «третьем небе» (Климент Александрийский, Ориген, Псевдо-Дионисий Ареопагит)¹⁰.

Однако грядущее Царствие Небесное до времени сокрыто от смертных. Развивая слова книги Бытия о том, что Бог «изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни» (3:24), византийские учителя (Григорий Нисский, Иоанн Златоуст)¹¹ описывает огненную стену, окружающую земной рай с деревом Жизни и истоками четырех рек, или стену кристаллическую, или жемчужную, воздвигнутую до небес (ср. Лактанция и Тертуллиана)¹². Так «оправдывается» этимология «парадиза» от древне-персидского *Pairidaêza* — «огороженное место» (так у Ефрема Сирина и Никиты Стифата). Ефрем Сирий пишет:

Ограда, замыкающая Рай,
 есть тишина, что миротворит все;
 и твердыня его, и вал его
 суть согласие, что все единит;
 и на страже его стоит Херувим,
 приветно взирающий на тех, кто внутри,
 но грозящий тем, кто суть вовне,
 на отверженных насельников тьмы;
 и все в ограде Рая того
 непорочно и свято весьма,
 и должно тебе все, что слышишь ты,
 тонкостно и духовно разуметь.
 Благословен Властный Адама воззвать
 и возратить его в Рай

(XI песнь о Рае, 3.1–14)

Самоочевидна абсолютная вневременность Рая: сущий до творения всего Творцом, в том числе и до творения времени, он является сопричастным царству зона — вечности. Однако некий рай, сущий между

¹⁰ *Clemens Alexandrinus*. Excerpta ex scriptis Theodoti // PG. T. 9/2. Col. 684A (ed. O. Stählin. Griechische Christliche Schriftsteller. Leipzig, 1909. Bd. 3. S. 123.19); cf. Origenus Scholia in Cant. Cant. 6:10 // PG 17. Col. 280A.

¹¹ *S. Gregorii Nysseni* In XL Martyres // PG 46. Col. 772AB; *S. Joannis Chrisostomi* Homiliae in Genesin // PG 56. Col. 528; *Idem*, In venerabilem Crucem Sermo // PG 50. Col. 816.

¹² *Lactantii* Divinae Institutiones, 2.13; *Tertulliani* De resurrectione mortuorum (A. Souter. Tertullian. Concerning the Resurrection of the Flesh. London, 1922); De testimonio animae, 55.4 (*Scholte W.* Q.S.Fl. Tertulliani Libellus de testimonio animae. Amsterdam, 1934); Ad martyras. 3 (*Bindley T. H.* Tertulliani de praescriptione haereticorum, ad martyras, ad Scapulam. Oxford, 1893).

грехопадением и Страшным Судом, тоже представлялся византийцам вполне реальным. Он есть место временного пребывания Еноха и Илии. Этот рай — «парадиз» — встречается в Новом Завете лишь трижды (Лк 23:43; 2 Кор. 12:4; Откр. 2:7). По апокалиптической традиции, этот земной рай может находиться не только далеко на востоке, но и на «севере» или северо-западе (эфиоп. Энох), или даже на западе («за океаном»: неканон. 4 Ездр. 14:9).

В этот рай можно попасть вместе со Спасителем и до Страшного Суда, о чем возвещает на Кресте одному из разбойников Христос («истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» — Лк. 23:46, где «ныне», в соответствии с эсхатологической традицией, есть *hic et nunc*). Этот «промежуточный» рай имеет, по византийским представлениям, хронологические атрибуты: он конечен во времени, ограничиваясь пятью тысячелетиями (Иоанн Златоуст). Тот же Златоуст проводит последовательное разграничение между Эдемом и «лучшим раем» «того блаженства», «который не на земле, но в душах верующих насажден Богом»; он «не в Эдеме, но в едином месте, но распростерт повсюду на земле» (Гом. III. 1)¹³.

Сублимация времени в пространстве сакрального сада — парадиза, охраняемого Херувимом, но в принципе доступного во Христе «здесь и сейчас», несмотря ни на огненные, ни на алмазные преграды, хорошо иллюстрируется историей Сифа, оказавшегося у врат рая, оберегаемых Херувимом. В видении Сифу отказано в получении масла милосердия от древа жизни до срока, ибо Христос лишь через несколько тысячелетий возродит Адама и прочих почивших — ко дню Страшного Суда. Тем самым Сиф узнает пророчество о втором пришествии Спасителя, а также получает три зерна плода с древа познания. Зерна вложили в рот умершему Адаму, похороненному в долине Хеврона, из чего проросло три побега — кедра, кипариса и сосны (всё это — тоже эдемские растения). Из них потом и будет сделан крест для распятия Иисуса Христа¹⁴.

Этот сюжет хорошо отражен в иконографии (фрески монастыря Св. Креста в Иерусалиме). Райские кущи как место пребывания протцев Авраама, Исаака и Иакова (изображены вместе с благоразумным разбойником, держащим крест) известны в афонской иконографии (икона Всех Святых Нового скита). Наиболее распространенным является иконописный сюжет, отграничивающий горный мир от земного (Успение Богородицы, душа Которой отходит к охраняемым вратам рая).

¹³ S. Joannis Chrysostomi In principium Actorum, III, 1 // PG 51. Col. 87.

¹⁴ Святая Земля. Исторический путеводитель. Под ред. М. В. Бибилова. М.; Иерусалим, 1999.

Однако и высший и недоступный до времени сакральный рай-сад имеет пред-метафору на земле. Это «Святой Град», или Иерусалим, — предтеча Небесного Иерусалима¹⁵.

Mikhail V. Bibikov

Research Institute of the World History, Russian Academy of Sciences

BYZANTINE EDEN: “TIME-IN-SPACE”

The main association with Eden as paradise was adopted in Byzantine literature from Septuagint. Ephrem’s the Syrian description of Paradise accents the absolute perfection of this phenomenon that has all attributes of an exotic garden. The Paradise as enclosed heavenly creation is opposed to the earthly Eden. It is constructed according to hierarchy of heavenly taxonometry (Ps.-Dionysios the Areopagite). On such basis there appeared dichotomic opposition of “highest thrones” vs terrestrial essence. Septuagint was also a source for different speculations concerning attempts of “localization” of the eathen-Eden, especially of its famous rivers, be it in Mesopotamia, Syria, Armenia, Georgia, Georgia, or Ethiopia and Abyssinia, Palestine etc. up to India, Ceylon, Middle Asia and Himalayas. The temporal approaches to Paradise demonstrate its exclusive opposition to any real time and adherence to eternal sphere of aeon. But it can be regained through Christ (J. Chrysostomi, Hom. III. 1). The sublimation of time in space of sacred paradise-garden, forbidden for entry, but in principle accessible *in Christo* “hic et nunc”, can be well illustrated by the story of Seth standing at the paradise gate guarded by Cherubim. In the Byzantine iconography this topic is very well known due to images of locality where the patriarchs Abraham, Isaac and James are shown together with the Prudent Robber holding the cross. Metaphorical image of the sacred Paradise is represented by Holy City Jerusalem as precursor of celestial Jerusalem.

¹⁵ *Macarius Aegyptius*. Homiliae Spirituales // PG 34. Col. 672C; *Gregorii Nysseni* In Christi resurrectionem // PG 46. Col. 616D-617C; Stephanus Gobarus. Fr. apud Photium, cod. 232 // PG 103. Col. 1093D–1096A.